

А. Кремлевский

**Первородный грех по учению
блаж. Августина Иппонского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А11

А11 **А. Кремлевский**
Первородный грех по учению блаж. Августина Иппонского / А. Кремлевский –
М.: Книга по Требованию, 2016. – 129 с.

ISBN 978-5-518-06675-5

Первородный грех по учению блаж. Августина Иппонского

ISBN 978-5-518-06675-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

образомъ вождельніе (concupiscentia) является проводникомъ не вождельніа же, а именно грѣха Адамова отъ христіанскихъ родителей къ дѣтямъ. Если этотъ грѣхъ переходитъ потому, что всѣ участвовали въ совершеніи его Адамомъ, то указаніе на concupiscentia является излишнимъ; оно умѣстно только при объясненіи передачи поврежденности природы и въ частности — самого вождельніа; но ни съ этимъ вождельніемъ ни съ поврежденностію природы первородный грѣхъ не отождествляется. Затѣмъ, если всѣ въ Адамѣ могли согрѣшить безъ личнаго участія, то какимъ же образомъ возможно вмѣненіе этого безсознательнаго и, если можно такъ выразиться, безличнаго грѣха? Впрочемъ, по этому вопросу Дорнеръ справедливо замѣчаетъ, что «личная вина не можетъ быть объяснена паденіемъ всѣхъ людей въ Адамѣ, что, повидимому, чувствовалъ и самъ Августинъ».

Tomasius излагаетъ ученіе Августина о первородномъ грѣхѣ слѣдующимъ образомъ. На основаніи Рим. V, 12 Августинъ видѣлъ въ Адамѣ единство всѣхъ и потому училъ, что всѣ мы были въ Адамѣ, какъ единая великая личность. Отсюда грѣхъ Адама есть общее дѣло рода, такъ какъ въ немъ всѣ принимали участіе, всѣ согрѣшили, хотя и не существовали, какъ индивидуумы. Черезъ рожденіе переходитъ на всѣхъ порча, грѣхъ индивидуализируется; вмѣстѣ съ грѣхомъ переходятъ на всѣхъ вина и наказаніе Адама, переходятъ не въ томъ смыслѣ, что грѣхъ, вина и наказаніе дѣлаются ихними, а въ томъ, что вмѣстѣ съ грѣхомъ люди принимаютъ участіе въ винѣ и наказаніи, потому что то и другое нераздѣлимы. Такимъ образомъ первородный грѣхъ есть и вина и наказаніе, и въ этомъ состоитъ особенность его. Будучи грѣхомъ и виною, онъ есть въ то же время заключеніе подъ грѣхъ, подъ господство смерти и подъ власть діавола ¹⁾.

Что чрезъ рожденіе переходитъ на всѣхъ порча, это — понятно, но что чрезъ рожденіе или вообще какимъ бы то ни было образомъ Адамовъ «грѣхъ индивидуализируется», это совершенно непонятно. То разъясненіе, какое дѣлаетъ по этому поводу *Томасіусъ*, еще болѣе затемняетъ дѣло: грѣхъ и вина переходятъ на всѣхъ людей не въ томъ смыслѣ, что дѣлаются ихними, а по соучастію всѣхъ людей въ грѣхѣ и наказаніи. Совершенно непонятно, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать

¹⁾ *Tomasius*. Dogmengeschichte. Erlangen. 1886. В. I. s. 516 sqq.

это соучастіе всѣхъ въ первомъ грѣхѣ, если о личномъ существованіи и свободной волѣ всѣхъ не можетъ быть и рѣчи. При томъ же, какъ мы увидимъ далѣе, Августинъ училъ именно о передачѣ (*traducio*) всѣмъ людямъ перваго грѣха Адамова.

Schwane излагаетъ ученіе Августина о первородномъ грѣхѣ въ слѣдующемъ видѣ. Первородный грѣхъ не есть чужая вина, только вмѣняемая намъ; онъ есть нашъ собственный грѣхъ, получаемый нами вслѣдствіе происхожденія отъ Адама. Первородный грѣхъ состоитъ въ неупорядоченномъ вожделѣніи; послѣднее состоитъ въ ближайшемъ отношеніи къ нему, но не составляетъ сущности его; оно грѣхъ, потому что отъ грѣха происходитъ и къ грѣху влечетъ, вина его (*reatus*), прощаемая въ крещеніи, составляетъ сущность первороднаго грѣха. Возможность существованія грѣха, не совершаемаго собственно волею человѣка, Августинъ объясняетъ единствомъ человѣческаго рода въ Адамѣ. Черезъ вожделѣніе переходитъ на всѣхъ при рожденіи поврежденіе природы; но здѣсь еще не объясняется наслѣдственная передача вины. Для этого, объясненія Августинъ обращаетъ вниманіе на родовое единство всѣхъ людей въ Адамѣ, чрезъ что оказывается возможною передача грѣха и наказанія. Августинъ отклоняетъ названіе первороднаго грѣха природнымъ грѣхомъ, а употребляетъ выраженіе «*peccatum originale*», первородный грѣхъ или слабость, порокъ природы, врожденный порокъ (*languor, vitium naturae, ingenitum vitium*). Этотъ порокъ переходитъ не передвиженіемъ съ мѣста на мѣсто, но чрезъ зараженіе или загрязненіе ¹⁾.

Шване, такимъ образомъ, впадаетъ въ очевидное самопротиворѣчіе, называя первороднымъ грѣхомъ то вину плотскаго вожделѣнія, то передаваемую чрезъ зараженіе порчу природы.

По изложенію *Д. В. Гусева*, Августинъ въ своемъ ученіи о первородномъ грѣхѣ исходитъ изъ положенія, что грѣхъ Адама былъ вмѣненъ не только ему, но вмѣняется и всѣмъ потомкамъ его. Всѣ люди виновны въ грѣхѣ своего прародителя, потому и тяготѣтъ на всѣхъ грѣховная порча. Виновность всѣхъ людей въ грѣхопаденіи Адама Августинъ объ-

¹⁾ *Schwane*, Dogmengeschichte der vornikänischen Zeit. Münster. 1862. s. 673 sqq.

ясняетъ родовымъ союзомъ всѣхъ людей въ Адамѣ; по этому союзу всѣ люди составляютъ одинъ великій родъ. Въ лицѣ Адама жили и дѣйствовали, хотя въ зачаточномъ состояніи, всѣ его потомки. Поэтому, когда согрѣшилъ Адамъ, согрѣшили съ нимъ и всѣ люди. Отсюда грѣхъ Адамовъ для всѣхъ потомковъ послѣдняго можетъ быть названъ чужимъ, поскольку они согрѣшили въ зачаточномъ состояніи, безъ участія разума и свободной воли, но онъ можетъ быть названъ и ихъ собственнымъ грѣхомъ, потому что всѣ они были въ Адамѣ. Поэтому онъ справедливо вмѣняется всѣмъ. Винодность всѣхъ людей въ грѣхопадѣніи Адама выражается главнымъ образомъ въ первородномъ грѣхѣ, во всеобщей порчѣ человѣческой природы вслѣдствіе грѣхопадѣнія. Первородный грѣхъ есть *peccatum naturae*, грѣхъ природы, т. е. порча природы ¹⁾).

Авторъ не замѣтилъ, какъ впалъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, сначала онъ называетъ первороднымъ грѣхомъ грѣхъ Адама, передаваемый всѣмъ потому, что всѣ участвовали въ совершеніи его; а затѣмъ онъ называетъ первороднымъ грѣхомъ порчу природы, которая есть очевидно лишь слѣдствіе грѣха Адамова.

Всѣ эти авторы, равно какъ и всѣ другіе изслѣдователи ученія Августина, въ подтвержденіе каждый своего пониманія ссылаются на подлинныя слова Августина и совершенно справедливо основываютъ свои положенія на сужденіяхъ Августина.

Обращаясь къ подлиннымъ твореніямъ послѣдняго, мы находимъ, что онъ дѣйствительно высказывалъ всѣ эти мысли, онъ называлъ первороднымъ грѣхомъ и грѣхъ Адама, и пороку природы, и вину плотской похоти; самое слово «грѣхъ» онъ употреблялъ въ различныхъ смыслахъ, называя грѣхомъ не только свободное нарушеніе воли Божіей (такимъ грѣхомъ онъ признавалъ только первый грѣхъ Адама), но и грѣховное состояніе, природное влеченіе человѣка къ грѣху или законъ грѣховный въ членахъ человѣка, особенно же плотское влеченіе или вождельніе. Что съ выраженіемъ «*peccatum*

¹⁾ Д. Гусевъ. Антропологическія воззрѣнія блаж. Августина въ связи съ ученіемъ пелагианства. «Прав. Собес.» 1876. ч. 2. Воззрѣнія Гусева усвоилъ и отчасти воспользовалъ Л. Писаревъ, который находитъ, что подъ первороднымъ грѣхомъ Августина разумѣть не самую порчу природы, а виновность этой порчи. Ученіе блаж. Августина о человѣкѣ въ его отношеніи къ Богу. Казань. 1896. стр. 173 и дал.

originale» Августинъ не связывалъ исключительно одного какого-нибудь опредѣленнаго понятія, что ясно видно и изъ того, что онъ часто говоритъ о первородныхъ грѣхахъ, *peccata originalia*, употребляя это выраженіе наряду съ *peccatum originale* ¹⁾. Подъ первородными грѣхами онъ разумѣетъ очевидно различные виды наследственной, по происхожденію получаемой виновности. Такъ, безспорно, что онъ считалъ грѣхомъ, получаемымъ при происхожденіи, плотскую похоть. Она есть грѣхъ, потому что отъ грѣха произошла и къ грѣху влечь. Вина этого грѣха прощается человѣку въ крещеніи. Что плотское вождельніе (*concupiscentia*) есть грѣхъ, что оно дѣлаетъ человѣка виновнымъ по происхожденію (*faciebat originaliter hominem reum*) и что вина его (*reatus*) прощается человѣку въ крещеніи, эти мысли Августинъ высказываетъ многократно съ полною опредѣленностію въ полемикѣ съ пелагіанами ²⁾.

Но не менѣе опредѣленно Августинъ высказывалъ и ту мысль, что живущій въ человѣкѣ законъ грѣховный (*lex peccati*) или влеченіе человѣка къ грѣху (*concupiscentia peccatorum*. *Contra Iul.* I, 71; cf. *Op. imp.* IV, 29) есть также наследственный, по происхожденію получаемый грѣхъ. Въ этомъ грѣховномъ законѣ по преимуществу проявляется наследственное разстройство человѣческой природы, которое Августинъ называлъ заслуживающею наказанія порочностію ³⁾ или преступною извращенностію ⁴⁾, первороднымъ, т. е., по происхожденію получаемымъ нечестіемъ ⁵⁾.

Въ каждомъ человѣкѣ есть *vitium originis*, порокъ происхожденія, т. е. получаемый по происхожденію, наследственное разстройство природы, и этотъ порокъ *reum facit hominem*, дѣлаетъ человѣка виновнымъ ⁶⁾.

Если мы при этомъ примемъ во вниманіе, что Августинъ называлъ грѣхомъ и то состояніе духовнаго ослѣпленія и разслабленія, въ какое человѣкъ впадаетъ уже по собствен-

¹⁾ De corr. et gr. n. 9; *Op. imp.* I, 57.

²⁾ De pecc. mer. I, XXVIII; II, 45—46; De nupt. et conc. I, 28; *Contra Iul.* II, 5. 8. 12; III, 49—51; V, 59—60; VI, 12. 49—51. 60—61; *Op. imp.* I, 71; II, 226.

³⁾ *Vitiositas poenalis*. De perfect. just. hom. c. 4.

⁴⁾ *Pravitas corripienda*. De corr. et gr. n. 9.

⁵⁾ *Originalis impietas*. De pec. mer. I, 30.

⁶⁾ De pecc. orig. n. 44—37.

ной вины, по своему нечестію, то для насъ будетъ ясно, что и наслѣдственное разстройство природы, наслѣдственное влеченіе къ грѣху и безсиліе воли къ добру Августинъ могъ называть наслѣдственнымъ, по происхожденію получаемымъ грѣхомъ: называя ослѣпленіе разума (*coeitas cordis*) грѣхомъ и вмѣстѣ наказаніемъ за грѣхъ (*peccatum et poena peccati*), Августинъ утверждаетъ, что въ такомъ же смыслѣ и первородный грѣхъ есть и грѣхъ и наказаніе за грѣхъ ¹⁾.

Все это даетъ достаточныя основанія для утвержденія, что наслѣдственно получаемое людьми разстройство ихъ природы Августинъ считалъ виновнымъ или грѣхомъ, почему эту виновность и можно относить къ *peccata originalia*. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что Августинъ имѣлъ на опредѣленіе первородный грѣхъ, какъ виновность людей за поврежденіе ихъ природы. Что онъ считалъ это поврежденіе виновнымъ и эту вину дѣйствительно считалъ грѣхомъ по происхожденію, это несомнѣнно, но ошибочно заключать отсюда, что этимъ Августинъ и ограничивалъ понятіе о первородномъ грѣхѣ. Напротивъ, тамъ, гдѣ онъ находитъ нужнымъ говорить о первородномъ грѣхѣ въ его собственномъ, тѣснѣйшемъ смыслѣ, тамъ онъ выражаетъ совершенно иное понятіе.

Именно, подъ первороднымъ грѣхомъ Августинъ разумѣетъ тотъ самый первый грѣхъ Адама, который сопровождался неизчислимыми бѣдствіями для всего рода человеческого. Въ этомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, съ одной стороны, вполне точныя и опредѣленныя выраженія Августина о первородномъ грѣхѣ, а съ другой—вся его обширная полемика съ пелагianaми по данному вопросу. Мы встрѣчаемъ у Августина слѣдующія ясныя сужденія.

«Тотъ самый грѣхъ, который измѣнилъ Адама въ раю на худшее, потому что былъ тяжелѣе, чѣмъ сколько мы можемъ судить, получается по передачѣ всякимъ рождающимся и прощается только возрождающемуся» ²⁾. Здѣсь Августинъ безспорно говоритъ о переходѣ на всѣхъ людей перваго грѣха Адамова.

¹⁾ Op. imp. I, 47. Здѣсь Августинъ еще не даетъ точнаго опредѣленія первороднаго грѣха.

²⁾ De nupt. et concup. II, 58. Hoc peccatum, quod ipsum hominem in paradiso in pejus mutavit, quia multo est grandius, quam judicare non possumus, ab omni nascente trahitur, nec nisi in renascente remittitur.

Затѣмъ, по поводу словъ ап. Павла — „единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть“ и т. д. (Рим. V, 12), Августинъ пишетъ: «повидимому, не совсѣмъ ясно, что именно перешло отъ Адама на всѣхъ людей, грѣхъ или смерть или то и другое вмѣстѣ; но если бы не перешелъ грѣхъ, не рождался бы каждый человѣкъ съ закономъ грѣха въ членахъ, а если бы не перешла смерть, не умирали бы всѣ люди» ¹⁾. Здѣсь Августинъ отличаетъ первородный грѣхъ отъ испорченности природы, отъ закона грѣха, и передачу этой испорченности ставить въ причинную зависимость отъ передачи грѣха: законъ грѣха, проявляющійся по преимуществу въ похоти, переходитъ на всѣхъ людей потому, что переходить и причина появленія этого грѣха въ человѣкѣ, первый грѣхъ.

Затѣмъ, Августинъ со всею опредѣленностію утверждаетъ, что «непослушаніе перваго человѣка... становится нашимъ по передачѣ» ²⁾.

Далѣе, столь же опредѣленно Августинъ выражается, говоря: «грѣхъ Адама пребываетъ на потомкахъ его, какъ первородный» ³⁾.

Наконецъ, Августинъ ясно учитъ, что первородный грѣхъ есть въ собственномъ смыслѣ первый грѣхъ Адамовъ, который по передачѣ переходитъ на всѣхъ людей въ наказаніе за то, что «въ Адамѣ всѣ согрѣшили»: онъ есть и грѣхъ, въ собственномъ смыслѣ, первый грѣхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе за грѣхъ, т. е., грѣхъ, пребывающій на людяхъ въ наказаніе за то, что всѣ они принимали участіе въ совершеніи этого грѣха ⁴⁾.

Августинъ учитъ, что Адаму былъ прощенъ первый его грѣхъ при сошествіи Христа въ адъ, почему, согласно церковному преданію, Августинъ и считалъ Адама въ числѣ оправданныхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ ⁵⁾. Но этотъ же первый грѣхъ вмѣняется и всѣмъ потомкамъ Адама и прощается лишь въ таинствѣ крещенія; для потомковъ онъ является и чужимъ и своимъ, чужимъ, потому что люди собственной

¹⁾ Op. imp. II, 63.

²⁾ Op. imp. II, 163. *Inobedientia unius hominis obnoxia successione fit nostrum.*

³⁾ Op. imp. IV, 96. *Peccatum Adae ipsum est, quod originaliter manet in posteris ejus.*

⁴⁾ Op. imp. I, 47.

⁵⁾ Op. imp. VI, 30.

волею не участвовали въ совершении его, а своимъ, потому что *ratione seminali* они участвовали въ совершении его, т. е., участвовали не собственно свободною волею, которой не могли имѣть, такъ какъ и сами не существовали, а участвовали потому, что всѣ были заключены въ Адамъ, какъ общимъ родоначальникъ всѣхъ. На основаніи слова ап. Павла: *ex nem̄e же вси согрѣшиша* (Рим. V, 12) Августинъ пришелъ къ мысли, что въ совершении грѣха Адамова принимали участіе всѣ люди и потому грѣхъ Адамовъ со всѣми своими послѣдствіями справедливо передается всѣмъ людямъ и уничтожается лишь въ крещеніи.

Какъ же понимать это участіе всѣхъ людей въ совершении грѣха Адамова? Въ полемикѣ съ пелагианами Августинъ безчисленное множество разъ повторяетъ мысль, что въ Адамѣ согрѣшили всѣ люди, но попытки Августина выяснить и обосновать эту мысль далеко не могутъ быть названы удовлетворительными. Непослушаніе перваго человѣка, пишетъ онъ, справедливо конечно называется чужимъ для насъ преступленіемъ, такъ какъ, не существуя, мы не могли совершить что-либо хорошее или дурное; но такъ какъ всѣ мы были въ Адамѣ, когда онъ совершилъ это преступленіе, и такъ какъ послѣднее было настолько велико, что извратило всю человѣческую природу, о чемъ свидѣлствуютъ самыя бѣдствія человѣческаго рода, то это чужое преступленіе становится нашимъ по виновному преемству ¹⁾.—Грѣхъ Адама есть и нашъ грѣхъ *ratione seminali*, т. е., на основаніи того, что въ зачаточномъ состояніи всѣ мы были въ Адамѣ ²⁾, онъ становится нашимъ *per iure seminationis atque germinationis*, т. е., по праву зачатія и происхожденія ³⁾; онъ нашъ *propter originis contagium*, т. е., по причинѣ зараженія самого происхожденія; онъ переходитъ отъ Адама на насъ *contagio peccati cum conditione supplicii*, т. е., по причинѣ зараженія грѣхомъ съ условіемъ передачи и наказанія ⁴⁾. Смыслъ всѣхъ этихъ выраженій тотъ, что всѣ люди, происходя отъ Адама, съ происхожденіемъ получаютъ все, что было въ Адамѣ, не исключая и грѣха. Происходя отъ Адама, всѣ они могутъ быть разсматриваемы, какъ одна масса, одна природа, заключавшаяся

¹⁾ Op. imp. II, 163; De corr. et grat. n. 9.

²⁾ Op. imp. VI, 9; De civit. Dei. XIII, 14.

³⁾ Op. imp. I, 48.

⁴⁾ Op. imp. I, 57; III, 154; Contra Julian. VI, 28.

во время совершенія перваго грѣха въ одномъ первомъ чело-
вѣкѣ, (точнѣе — въ двухъ первыхъ); поэтому грѣхъ этого пер-
ваго челоуѣка можетъ быть рассматриваемъ, какъ грѣхъ всего
человѣчества или грѣхъ всей челоуѣческой природы. Яснѣе
эту мысль Августинъ выражаетъ, когда говоритъ, что «въ
Адамѣ всѣ согрѣшили тогда, когда всѣ были — тотъ одинъ
челоуѣкъ по вложенной въ природу его способности имѣть
потомство» ¹⁾). Здѣсь находить для себя объясненіе и самый
терминъ «*peccatum originale*», первородный грѣхъ, т. е., грѣхъ
происхожденія, грѣхъ, получаемый при самомъ происхожденіи
челоуѣка, потому что это происхожденіе тѣсно связано съ
первымъ челоуѣкомъ: каждый челоуѣкъ, происходя отъ Адама,
является такимъ, какимъ сталъ Адамъ послѣ паденія; каждый
получаетъ какъ бы частицу природы Адама, отсюда все чело-
вѣчество есть въ нѣкоторомъ смыслѣ одинъ челоуѣкъ, Адамъ;
кромѣ этого одного челоуѣка, Адама, есть еще только второй
челоуѣкъ, Христосъ, и вѣрующіе въ Него, составляющіе съ
Нимъ единаго второго челоуѣка ²⁾).

Всѣ эти соображенія, очевидно, слабо выясняютъ во-
просъ о передачѣ грѣха Адамова всѣмъ потомкамъ Адама;
они хорошо объясняютъ передачу поврежденной природы отъ
Адама всѣмъ людямъ, но рѣчь идетъ не объ этой передачѣ.
Центръ тяжести въ обширной полемикѣ Августина съ Юліаномъ
Экланскимъ вращался именно около вопроса, какимъ
образомъ справедливо вмѣняется людямъ чужой грѣхъ, Ада-
мовъ; справедливости этого вмѣненія Августинъ не могъ вы-
яснить поскольку не могъ участіе всѣхъ людей въ совершеніи
перваго грѣха признавать такимъ же активнымъ, каково было
дѣйствіе самого Адама. Объ участіи же всѣхъ людей въ грѣхѣ
Адама въ силу того, что въ зачаточномъ состояніи всѣ люди
были заключены въ Адамѣ, можно говорить, очевидно, только
не въ собственномъ, въ переносномъ смыслѣ, и очевидно, что
такое участіе нисколько не объясняетъ справедливости все-
общаго вмѣненія перваго грѣха. Это, повидимому, чувствовалъ
и самъ Августинъ, и потому, когда Юліанъ категорически
предлагаетъ ему объяснить, какимъ образомъ челоуѣку можетъ
быть вмѣненъ грѣхъ, онъ уклоняется отъ объясненія и отдѣ

¹⁾ De pecc. mer. III, 14; De nupt. et concup. II, 7. 28; Op. imp. IV, 104; I 10. 11; De civit. Dei XII, 21. 27; Epist. 186. n. 6.

²⁾ Op. imp. II, 163. Totum genus humanum quodammodo sint homines duo, primus et secundus.

дывается ничего не значущими общими выражениями ¹⁾. И когда Юліанъ указываетъ, что мысль о существованіи всѣхъ людей въ Адамѣ ведетъ къ Тертулліановой теоріи traducіонизма, то Августинъ прямо отказывается отъ объясненія того, какъ нужно понимать существованіе всѣхъ людей въ Адамѣ ²⁾.

Не выяснивъ по существу вопроса о томъ, какъ понимать паденіе всѣхъ людей въ Адамѣ, Августинъ настойчиво отстаиваетъ эту мысль на основаніи главнымъ образомъ Рим. V, 12. Безъ преувеличенія можно сказать, что все ученіе Августина о первородномъ грѣхѣ основывается именно на этихъ словахъ апостола; отсюда становится дѣломъ высокой важности выяснить, какъ понималъ эти слова Августинъ.

Вопросу о смыслѣ этихъ словъ посвящена первая половина второй книги «Opus imperfectum», гдѣ изложена полемика Августина съ Юліаномъ Экланскимъ по поводу всей V гл. посланія къ Римл., основная мысль которой выражена въ 12 стихѣ. Въ виду важности этой полемики для рѣшенія вопроса о первородномъ грѣхѣ и въ виду вообще важнаго историческаго и догматическаго значенія всей противупелагианской полемики блаж. Августина, основанной всецѣло на толкованіи Св Писанія, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній объ общемъ характерѣ толкованія Св. Писанія какъ Августиномъ, такъ и его главнымъ противникомъ, Юліаномъ, низложеннымъ за пелагианскій образъ мыслей епископомъ Экланскимъ (Экуланумскимъ, въ Капуѣ, въ Италиі).

Въ то время какъ восточныя ереси и секты первыхъ вѣковъ христіанства, каковы — гностицизмъ, манихейство, антитринитаризмъ и связанное съ нимъ арианство, создавались на почвѣ языческой древней философіи, пелагианство на Западѣ возникло въ V вѣкѣ и укоренилось среди христіанъ, знакомыхъ съ древней философіей, но уже отрѣшившихся отъ вліянія ея на религіозныя представленія, въ средѣ ревнителей чистоты вѣры и нравственности, и источникомъ его было если не исключительно, то главнымъ образомъ одностороннее, неправильное пониманіе ученія Свящ. Писанія по вопросамъ христіанской антропологіи и аскетики. Главные вожди пела-

¹⁾ Contra Iul. VI, 24. Для объясненія участія всѣхъ людей въ грѣхѣ Адама, по справедливому замѣчанію Дорнера, «не достаетъ личнаго элемента». A. Dörner. Grundriss der Dogmengeschichte. Berlin. 1899. s. 269.

²⁾ Op. imp. II, 178.

гианства, Пелагій и Юліанъ, спеціально занимаются изъясненіемъ Свящ. Писанія, пишутъ экзегетическія изслѣдованія и полемику съ противниками ведутъ по преимуществу на почвѣ Свящ. Писанія. А такъ какъ тѣ вопросы христіанскаго вѣровученія, по которымъ пелагіане уклонялись отъ общецерковнаго ученія, раскрыты преимущественно въ посланіяхъ св. ап. Павла, то естественно, что главное вниманіе пелагіантъ, равно какъ и Августина, было обращено на изъясненіе этихъ посланій и изъ нихъ особенно на посланіе къ Римлянамъ.

Въ пріемахъ толкованія Свящ. Писанія между Августиномъ и Юліаномъ замѣчается существенная разница: методъ перваго можно назвать догматическимъ, методъ втораго— историческимъ.

На выясненіе ближайшаго историческаго смысла тѣхъ или иныхъ приводимыхъ изреченій Св. Писанія Августинъ обращаетъ очень мало вниманія; онъ старается установить общій догматическій смыслъ текста. Не обративъ вниманія на разрѣшеніе важнѣйшаго въ экзегезисѣ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ можно въ извѣстныхъ словахъ Св. Писанія, кромѣ ближайшаго историческаго смысла, находить еще смыслъ универсальный, догматическій, Августинъ считалъ возможнымъ усматривать этотъ догматическій смыслъ всюду и вслѣдствіе этого допустилъ множество толкованій совершенно произвольныхъ, ни на чемъ не обоснованныхъ, и не мало явно ложныхъ, ошибочныхъ. Примѣры толкованій перваго рода, т. е. произвольныхъ, можно указать слѣдующіе:

1) Апостолъ пишетъ: *благодаря Бога, избавившаго насъ отъ власти тьмы и введшаго въ царство Сына Своего* (Колос. I, 12—13). Эти слова Августинъ приводитъ въ доказательство своего ученія о челоуѣчествѣ, какъ «массѣ погибели», царствѣ діавола, царствѣ тьмы, изъ котораго чрезъ крещеніе челоуѣкъ переходитъ въ царство Сына ¹⁾. Но прямой, ближайшій смыслъ этихъ словъ только тотъ, что колоссяне должны благодарить Бога, извлекашаго ихъ изъ состоянія нечестія, изъ язычества, царства тьмы: язычники въ Писаніи именуются людьми, сѣдящими во тьмѣ. Никакихъ указаній на универсальность царства тьмы въ челоуѣчествѣ, на то, что къ этому царству принадлежать и невинныя дѣти, въ данныхъ словахъ не содержится.

¹⁾ Op. imp. I, 64; De pec. mer. I, 47.